

В мировой культуре чаще, чем хотелось бы, и блюдается той феномен, когда автор или исполнитель, невзирая на многолетние труды, в массовом сознании остаётся некрепко привязанным лишь к единственному произведению. Янин Жеймо ассоциируется у нас только с экранной сказкой «Золушка», рок-команда «Альянс» — с песней «Низ ре», и перечень можно продолжить ещё пунктами тридцать. Но если в кинематографе и музыке уже приучились смиряться с долей «кто-то одной роли» или «группа одного хита», то литераторы вытерпеть подобное не в силах. Человеку пишущему необходимо, чтобы его знали не по фрагменту, пусть даже восхитительно удачному, в полном объёме всех мыслей и выводов.

Стихотворение Сергея Сергеевича Орлова «Его зрыли в шире земной» известно почти каждому российскому читателю. Он вошёл в сборники «Третья скорость»,

з г дочных объектов, нечто объединяющее, роднящее ст рик с деревом и тр винкой, м льш — с птицей и котёнком, к ждого — с р зливом Млечного Пути. Перед н ми не проповедник, не зн ток душевных т йн, не рвущийся в поднебесье иде лист, обычный собеседник, случ йно з говоривший с тобой прохожий, после п ры мимолётных фр з которого н сердце вдруг ст новится очень хорошо. О мощи человеческого дух он ск жет с лёгкой иронией:

*Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесём с тобой:
Мы люди, а она стальная...*

О себе Орлов изл г ет следующие немногочисленные ф кты: «Родился в 1921 году в селе Мегр Белозерского р йон , Вологодской обл сти, в семье сельских учителей. Отц своего не помню, он умер в 1924 году. Люди, зн вшие его, р сск зыв ют, что он был строгий учитель, добрый и весёлый человек, ув ж емый сельч н ми. Я р но н ч л ходить в школу, точнее ск -з ть, н уроки в кл сс, т к к к мы жили в зд нии школы, где учительствов - л м ть. Мне не нужно н прыг ть п мять, чтобы вспомнить детство: его можно увидеть и сейч с. Оно белеет берёз ми и пл менеет рябин ми, лежит огромным слюдяным простором Белого озер , в тихие вечер синеет бескр йними лес ми, плещет з рниц ми, звенит дождями... Учитель физики, молодой ленингр дец, р сск з ми

о книг х и звёзд х з жёг любовь к литер туре и изобрет тельству». Необходимо уточнить, что село Мегр исчезло ещё при жизни Сергея Сергеевич , будучи з - лито вод ми Волго-Б лт , и что н Волховском и Ленингр дском фронт х Орлову «воев ть приходилось не только с немц ми, но и с болотом». К к видим, опять ник кого п фос к с тельно сл вного боевого прошлого.

Мне вспомина ется д вняя беседа , в ходе которой чрезвыч йно ув ж емый мною человек твёрдо произнёс: «Ни в одном коллективе не жел ю быть персоной № 1, но везде могу быть нез менимой персоной № 2». По-моему, это весьм достойный принцип, но н д ним тогд посмеялись и д же не поверили в искренность слов. И вот я встреча ю у Орлов ту же с мую мысль и тихо р дуюсь общности убеждений:

*Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься
смог.*

*Второй. Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
...Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжёлый в ночь.
В настильной вьюге пулемёта
Он взгляд кидал назад:*

«За мной!»

*Второй поднялся. Значит, рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый,
Не бог, не царь и не герой.*

Орлов является одним из вторых военной драмы «Ж воронок», где звучит реплика «Пок есть горючее в б к х, не судьб меня, я её выбираю». О сценарной идее этого фильма сообщает в мемуарах прозаик и драматург Аркадий Минчковский: «Кто-то из Сергея Орлова пришёл ко мне с номером «Комсомольской правды». В нём рассказывалось о бытующей в ГДР легенде о пленных русских танкистах. Они во время испытаний нового немецкого бронебойного оружия на своём танке вырвались с полигона. «Красный танк» с отчаянным экипажем пошёл гулять по дорогам фашистской Германии, и вода уже с него обит телей близлежащих городков».

Поэт предложил Минчковскому вместе сочинить киносценарий, но тот отказался из-за нехватки времени, и в качестве второго позволил Михаил Дудин, тоже хлебнувшего всех горестей войны. Созданный в 1964-м году режиссёр-ми-пост новизник Михаил Никитой Курихиным и Леонидом Менкером фильм повременил с прокатом, чтобы появиться в момент нулевого десятилетия годовщины Победы. Придя в редакцию периодического издания «Кинонеделя Ленинград», Орлов и Дудин изложили, как формировался замысел картины: «О легендарном подвиге танкистов мы узнали из мемуаров гитлеровской метки. Нам стал известен только сценарий: танк «сбежал» с немецкого полигона. Остальное, конечно, пришлось домысливать: как сумели

договориться между собой эти люди, что дел ли они за короткие 90 минут свободы, как встретили смерть... С моё удивительное, что этот фильм запомнили и сохранили для истории с нами немцы, потрясённые мужеством советских людей, для которых плен стал продолжением борьбы».

Чёрно-белый, лаконичный, ни на секунду не провисающий фильм не читается с эпиграфом в виде песни со сложной, близкой к речитативу мелодией: Майя Кристлинская исполняет «Его зарыли в шрапнельной». Мужественная, стильная и горькая картина изворзана ритмичным, напряжённым монтажом, явно ориентированным на кинопочерк Дзиги Вертова. Привлекательны и работа со звуком: крик турный немецкий шлягер, дергано-бодряческий, постепенно становится всё более грозным (подобный приём использовал Шостакович в «Ленинградской симфонии»). Практически совершенный монтаж многих кадров, будь то огромные расклевывающиеся тени повешенных, женщин, освобождённым жестом стягивающая с головы платок, хождение вдоль рядов колючей проволоки или пленная, блуждающая всем телом и лицом в поле, в его стебли и лепестки, словно в мирную жизнь.

Зрителю запоминаться крупно снятые мурвалы, блуждающая и гонимая безумия сценаристами пронумерованными деревьями в лесу,

Сергей Сергеевич Орлов

оберштурмфюрер, производящий отбор экипаж для танковых испытаний, — рослый, скульптурно стройный, мертвенно-красивый, как мекен. В изящной руке у него цветок, он зимует им на русского механика-водителя. Проводя жестокий эксперимент на полигоне, другой гитлеровец попутно забывается игрушечной, потешно тявкющей собачкой, потом курчаво счищает пылинки с её меха. Лейтмотив бессердечной, отвратительной красоты и жутковатой чистоплотности будет возникать неоднократно, достигая апогея в образе лохотнической фигуристой немки в белоснежной блузке и с хлыстом, хозяйки поместья, обходящей бригаду гнущихся на её спину россиянок.

Другой сквозной мотив — цветок: ромашка, жёлтый, советского бойца, как кое-то примятое

рстительное чудо увенчанное пилотку, хочонного француз. Он, вспоминаю о Париже, играет в пинтомику в духе Мрселя Мрсо, как русскому сортнику обрывается с роскошной фразой «Товарищ Алёша, пока, ёлки-палки, здравствуй!». После смерти Жуковской убор покойного забывает себе друг, но чересчур забывает метный цветок сгубит и его, нечаянно оклеветавшись опознанным знаком для снайпера.

Жаль, что выходящая лента не обрела той славы, которой заслуживала, в нынешние дни и вовсе оклеветана быт: не тот у неё художественный покров. Зритель из Ростов-на-Дону, пишущий кинорецензии под сетевым псевдонимом Looka, выскочил за дверь жённо, но честно: «Голливудское зрелище не в ших экранных двадцать три десятилетия сформировало определённые вкусы у молодого зрителя. Я читаю их отзывы и вижу, что для многих из них на первом месте идут: все эти 3D-эффекты, зубодробительные драки с летящими вверх торпедками противниками, взрывающиеся автомобили и т.д. Читательский отзыв, и в итоге — так и бросаются фразы: драки плохо поставлены, некриво, не верю, детский садик какой-то, бой снят неубедительно, неинтересно... Господь юные зрители, вы вообще видели не стоящую драку когда-нибудь? Я уже не говорю о реальном боевом столкновении. Уж чего-чего, но никак не кресты вы там точно не найдёте».

Когда в 2019-м в прокат вышел фильм «Т-34» (лихие кинематографисты, помнится, предложили публике военный боевик не ко Дню защитника Отечества, а в умиротворённые новогодние праздники), мало кто предствлял себе, что перед нами всего лишь паразитический ремейк того самого шедевра более чем полувековой давности. Финансово зритель, богатырь спецэффектов, в полном соответствии с названием, сделал главным и самым выразительным своим героем не человек, а танк.

Длящийся под 30 минут бой со снарядными выстрелами, — козырька крота этого опуса. Он похож на компьютерную игру, ещё на очередной блокбастер из цикла «Форс ж», только не на автомобильном, а на танковом материале. Но техническое трюкчество «Т-34» ни в каком сравнении не идёт с тем трогательным эпизодом из «Жуков», когда, потеряв в эфире отечественную аудиторию, жаждущий новостей герой нечестно сымпровизировал декламацию о сводке от Советского Информбюро.

По словам Орлова, «танкисты не любили громких слов и верили в будничные высокие ценности: дружбу, товарищество, долг». Хочется назвать его

«нетипичным поэтом», потому что талантливое стихосложение в подвляющем большинстве случаев даёт побочный эффект: он легко способен зронить в одурманенную душу эгоистичность, позёрство, желание постоянно быть на виду и на слуху, вести себя по-каторжески, хоть ты и литератор. Сергей Орлов, скромный и монолитный, на своём примере доказал, что не стоящему поэту необязательно утопать в безднах собственной психики, кидаться жестом и вздохом демонстрируя непостижимую противоречивость. Порой для обретения истинного подлинного мастерства достаточно лишь оглянуться и увидеть:

*Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах,
в глине...*

*Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепая в лучах.
Мосты над реками толются,
В бензином дыме провода...
И ничего не может стать
С весной и Русью никогда.*